

Философия истории О. Миллера

Виталий Юрьевич Даренский

Д. ф. н., профессор Луганского государственного университета им. Владимира Даля
darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются историософские идеи О. Миллера. Показано, что «высший идеализм» как главный методологический принцип О. Миллера отчасти аналогичен понятию «идеальных типов» у М. Вебера, однако более богат по содержанию, поскольку включает в себя, помимо принципа сущностного обобщения исторической реальности, также и нравственный императив. В частности, русская крестьянская община как эмпирическое явление выступает как явление не только экономического, но в первую очередь нравственного порядка, указывая на определенную степень земного воплощения евангельского идеала социального устройства и типа личности. Принципиально важным для концепции О. Миллера является обобщение взглядов славянофилов на соотношение внутренней и внешней правды в историческом бытии народа. Первую он называет символическим понятием Земли, а вторую – символическим понятием Государства. Закон исторической жизни состоит в том, что Земля, то есть внутренняя правда, должна быть адекватно выражена в форме Государства, внешней правды. Но при нарушении органического соответствия между внешней и внутренней правдой возникает кризис исторической жизни, который может привести к катастрофическим последствиям. Тезис О. Миллера о неполной христианизации социальной и культурной жизни как европейских народов, так и России, следует признать справедливым. Но его уверенность в этом воплощении в будущем, учитывая опыт последующей истории, невозможно не признать утопическим, отчасти даже граничащим с ересью хилиазма.

Ключевые слова: О. Миллер, историософия, славянофильство, христианство, община, братство, идеал

O. Miller's Philosophy of History

Vitaly Yurievich Darensky

Doctor of Philosophy, Professor of Lugansk State University named after By Vladimir Dahl
darenskiy1972@rambler.ru

Abstract: The article examines the historiosophical ideas of O. Miller. It is shown that “higher idealism” as the main methodological principle of O. Miller is partly similar to the concept of “ideal types” by M. Weber, but it is richer in content, since it includes, in addition to the principle of essential generalization of historical reality, also a moral imperative. In particular, the Russian peasant community, as an empirical phenomenon, appears as a phenomenon not only of an economic, but primarily of a moral order, indicating a certain degree of earthly embodiment of the evangelical ideal of social structure and personality type. Fundamentally important for O. Miller's concept is the generalization of the views of the Slavophiles on the relationship of internal and external truth in the historical existence of the people. He calls the first the symbolic concept of Land, and the second the symbolic concept of the State. The law of historical life is that the Land, that is, the inner truth, must be adequately expressed in the form of the State, the outer truth. But when the organic correspondence between the external and internal truth is violated, a crisis of historical life arises, which can lead to catastrophic consequences. O. Miller's thesis about the incomplete Christianization of the social and cultural life of both European peoples and Russia should be recognized as fair. But his confidence in this incarnation in the future, given the experience of subsequent history, it is impossible not to recognize utopian, partly even bordering on the heresy of chiliasm.

Keywords: *O. Miller, historiosophy, Slavophilism, Christianity, community, brotherhood, ideal*

© В.Ю. Даренский (Луганск). darenskiy1972@rambler.ru. Луганский государственный университет им. Владимира Даля. Южный Полюс 15 (1) (2026) DOI: 10.18522/2415-8682-2026-15-25-32

Особое место в наследии О.Ф. Миллера (1833-1889) занимают работы, в которых содержится систематизация и обобщение историософии ранних славянофилов. Это «Основы учения первоначальных славянофилов», а также ряд других статей. Характерно слово «первоначальных» в названии этой работы – оно связано с тем, что славянофильству стали приписывать взгляды и авторов, которые были далеки от изначального смысла этой системы взглядов, и поэтому было очень важно восстановить этот смысл.

В настоящее время историософия О.Ф. Миллера рассматривается в обзорных работах, среди которых можно указать статьи А.В. Малинова, А.Э. Котова и А. Плотника [1-6], в которых выделены его основные идеи. А.В. Малинов, напоминая о том, что сам «термин “славянофильство” указывал на несущественный для этого движения национальный признак», также отмечает, что «Миллер, не имевший ни капли славянской крови, служил лучшим подтверждением отсутствия в славянофильстве представления о “национальной исключительности” славянства... славянская тема была далеко не главной в мировоззрении славянофилов... отношение к России у славянофилов было куда более критичным. Миллер отмечал строгость суда славянофилов над современной Россией» [5, с. 11]. А.В. Малинов отмечает также, что О.Ф. Миллер «осуждает и все противохристианское направление развития европейской культуры» [5, с. 16].

Иногда идеи О.Ф. Миллера искусственно «подгоняются» под чуждые ему определения. Так, например, А.Э. Котов написал: «Наиболее яркий представитель крайне-левого крыла славянофильства – знаменитый филолог О.Ф. Миллер» [2, с. 123]. Однако, как известно, О.Ф. Миллер был православным традиционалистом и поэтому «крайне-левым» не мог быть по определению. По-видимому, исследователя мог впечатлить тот факт, что О.Ф. Миллер боролся против того, что он сам называл «русский бисмаркизм» и идеал «немецкого полицейского государства» [7, с. 9]. Или же похвала научному «демократизму» в следующих его рассуждениях о Дж. Вико: «Вико везде проводит между народами уравнивающее начало, он подрывает значение народов избранных, которым будто бы дано всё, тогда как другим не дано ничего, и они должны довольствоваться во всём только умственной подачкой с чужого стола. Учёный демократизм Вико наносит сильный удар народам-аристократам» [8, с. 57]. На самом же деле, в этом нет ничего «левого» – как раз наоборот, эти суждения непосредственно вытекают из православного понятия «соборности».

Целью данной статьи является реконструкция основных положений историософии О.Ф. Миллера как определенной системы взглядов на общие основания и направленность как русской истории, так и закономерностей всемирно-исторического процесса. Последний аспект важен, поскольку дает представление о славянофильстве как о христианском универсализме.

В основе мировоззрения славянофилов, как писал О.Ф. Миллер, лежит «высший идеализм», который, хотя и «далеко не всегда оправдывается исторической действительностью, но он неизменим, как путеводный светоч» [9, с. 27]. В данном случае за понятием «идеализм» на самом деле скрывается важнейший методологический принцип. Отчасти он аналогичен понятию «идеальных типов» у Макса Вебера, однако более богат по содержанию, поскольку включает в себя, помимо принципа сущностного обобщения исторической реальности, также и нравственный императив, указывающий на её смысл. И в данном случае речь идет о том, что в исторических явлениях следует выделять не только их эмпирическую часть, но и общую смысловую и нравственную направленность их развития. Только она помогает понять сущность данного исторического явления. Простое эмпирическое обобщение исторических фактов и явлений дает лишь хаотическую картину, в которой

невозможно найти общий принцип и закономерность без учета сущностной направленности и нравственных истоков данного явления.

Для понимания специфики русской истории и русской цивилизации методологический принцип «идеализма» – в том смысле, в каком его понимает О.Ф. Миллер – имеет самое принципиальное значение. Он отмечает, что «и на политической, и на вероисповедной почве исходной точкой славянофильству служит понятие об общине – не как о каком-нибудь учреждении, а как о чисто нравственном союзе между людьми. Издавна община является предрасположением ко вступлению в церковь, как общину не только крестившихся, но и облекшихся во Христа» [9, с. 27]. Тем самым, русская крестьянская община как эмпирическое явление – архаическая форма землевладения, уже давно исчезнувшая в Западной Европе – здесь выступает как явление не только экономического, но в первую очередь нравственного порядка, ясно указывая на определенную степень земного воплощения евангельского идеала социального устройства и типа личности.

По определению О. Миллера, «нравственность и сводится ведь к тому, чтобы, отстаивая свою личность, не только не давать ей развиваться в ущерб другим, но и сознательно жертвовать собою для общего блага. Община не допускала развития личности в смысле особой преимущественности или привилегированности, как оно было на Западе» [9, с. 29]. Поэтому именно община была самой ценной предпосылкой и самым «идеальным» условием развития личности в подлинном, то есть в христианском смысле этого слова (которое к тому времени было уже утрачено за Западе, подменившим смысл понятие личности – индивидуальностью, то есть социальным индивидом, который стремился выделиться среди других своими особыми качествами и всегда основывал свою «самореализацию» на противостоянии другим людям.

О. Миллер писал: «Личность в общине способна была упорствовать, уступая только внутреннему убеждению, а никак не численности (опять несогласно с образцом Запада); – отсюда заключали, что она у нас развилась до крайности. Славянофилы же говорили о своем краеугольном камне – общинном быте, что он “основан не на отсутствии личности, а на сознательном и свободном ее отречении от своего полновластия” (Ю. Ф. Самарин)» [9, с. 29]. Он также определял личность как «орган сознания», то есть как то в человеке, что определяет его отношение и к другим, и к себе; и отмечал: «Личности в этом последнем смысле принадлежит самое видное место в учении славянофилов» [9, с. 30]. По сути, это возвращение к подлинно христианскому пониманию сущности личности составляет одну из главных заслуг славянофилов в философии. Сама философия славянофилов – это не что иное, как возвращение к христианскому универсализму как русский ответ на агрессивный партикуляризм Запада [10].

Универсализм привел к христианизации историософского мышления как такового, а именно, к акцентированию понятия *внутренней правды*, которое теоретически оказывается противопоставленным понятию «внешней правды» жизни, которая воплощается в социальных и правовых формах исторического бытия. Вульгарная критика славянофилов всегда обвиняла их в игнорировании ценностей права и социальных институтов, однако в действительности это не так. Понятие внутренней правды имеет целью не игнорировать ценность форм социально-исторической жизни, а указать на более глубокий онтологический источник этих форм, который может утрачиваться в результате переноса интереса и жизненного акцента на внешнее благоустройство социальной жизни. Оппозиция России и Запада у славянофилов – это не оппозиция двух национальных общностей или даже двух цивилизаций. В действительности, это оппозиция христианского универсализма и западного партикуляризма, причем партикуляризм Запада является именно следствием увлечения правдой внешней, благоустройством внешней, материальной жизни, которое уже с неизбежностью приводит к отчуждению от правды внутренней. Как писал об этом сам О. Миллер, «правда *внутренняя*, недостаток которой не может быть восполнен даже при величайшем совершенстве в

устройстве того, что можно назвать правдой внешней. Под этой последней понимается у славянофилов *закон* с его строгой определенностью и принудительностью» [9, с. 30].

Носителем этой внутренней правды, в терминологии славянофилов, которую систематизирует О. Миллер, является «Земля». Этим словом, им употребляемым с прописной буквы, он обозначает народ, как нравственное целое, способное к самостоятельному существованию и созиданию исторического бытия. Сферой внешней правды является Государство, со всеми его структурами и институтами. Соотношение между Землей и Государством, согласно теории славянофилов, обобщенной О. Миллером, состоит в том, что Государство должно в максимальной степени реализовать потребности Земли и служить ей защитой. Соответственно, Земля созидает государство, как выражение своей внутренней правды, осуществленное в правде внешней. Таким образом, между ними нет противоречия, если оно не создается искусственно, в результате ошибок государственных деятелей: «Земля, утверждали славянофилы, постоянно старалась поддерживать свой изначальный, на доверии основывающийся союз с Государством. Но Государство при Петре Великом разорвало свой союз с Землею» [9, с. 44]. А в качестве сопоставления он отмечает: «Грозный, расправляясь с боярщиной, не хотевшей еще окончательно обратиться в служилый люд, не избегал совещанья с Землей, а Петр, насильно обращая в покорное орудие своего переворота именно наш служилый люд, не ждал и не спрашивал себе отклика у Земли» [9, с. 45]. Это разрыв Государства и Земли при Петре был закономерен, поскольку Петр изначально не спрашивал мнения Земли. Вместе с тем, О. Миллер, как и все славянофилы, признают необходимость модернизации России, и при этом указывают на то, что она всегда шла и без Петра даже более эффективно. Отсюда парадокс: ««все, что было истинного в делах и реформе Петра – принадлежит не ему; а все остальное принадлежит ему» (К. Аксаков). Истинное для них заключается в стремлении, хотя бы и напряженно-усиленном, к умственному общению с другими народами. Если Русская земля так долго сидела взаперти, то этому содействовали те же немцы, умышленно не пропускавшие к нам людей знания» [9, с. 48]. (По аналогии с этим парадоксом о Петре, сформулированным К. Аксаковым, следует отметить, что такой же парадокс имел место уже в XX веке, когда развитие материальной цивилизации в советский период вовсе не являлся «заслугой» советской власти, но такое же развитие происходило во всем мире в силу объективных закономерностей).

Смелым, однако вполне обоснованным является тезис О. Миллера о том, что «ход развития философской мысли в христианском мире совершался вне сферы влияния настоящего христианства» [9, с. 66]. Влияние христианства на философию Европы было, но оно не изменило сам *тип* философии, который достался от античного язычества. Заслуга возвращения философии к её христианским принципам, заложенным свв. Отцами Церкви, принадлежит русской философии, хотя и не вполне исполнено до настоящего времени. Предыдущий тезис является частью более общего положения в историософии О. Миллера: «Неосуществленность христианского начала в действительной жизни человечества является самым существенным пунктом славянофильской философии истории (но неосуществленность не есть для них и неосуществимость – напротив того). Пункт этот положительно господствует в исторических записках Хомякова» [9, с. 66]. Это касается не только философии, но в первую очередь, государственности: «Империя, в сущности оставаясь нехристианской, только торжественно объявила себя таковою» [9, с. 68], – отмечает О. Миллер.

В связи с этим он указывает на универсализм учения славянофилов: «Добрые задатки славянской жизни ценились славянофилами не как славянские, а как общечеловеческие задатки... славянофилы были в сущности гуманисты – не в древне-классическом, а в христианском смысле этого слова» [9, с. 93]. Универсальное значение русского народа как исторического образца воплощения христианских принципов в жизни – один из главных тезисов О. Миллера. Он цитирует записки одного из бывших «декабристов», полностью разделяя следующий тезис, поскольку он подтверждается историческими фактами и документами: «В средние века русские были на высшей степени гражданственности, нежели

остальная Европа... общинные или муниципальные учреждения и вольности были в Древней России... во всей силе, когда еще Западная Европа оставалась под игом феодализма» [11, с. 728]. Свое собственное объяснение и обоснование этому феномену всемирно-исторической, универсальной значимости русского исторического опыта, как максимально воплотившего в себе евангельские принципы, О. Миллер сформулировал следующим весьма смелым образом: «Наши Первоучители... стояли совершенно самостоятельно посреди греко-римского мира. Вместе со славянской азбукой и славянским богослужением они оставили нам, как святой завет, предания чисто христианской Церкви, Церкви, чуждой всякой мирской примеси, как латинской, так и византийской. Вот на этой-то ими завещанной славянскому миру чисто христианской почве и предстоит со временем сойтись не только всем славянам, но и всему человечеству. Тогда-то и окажется наконец “едино стадо и один пастырь”, един – в смысле проявляемого в деяниях человеческих единого духа Христова, духа любви, свободы и правды» [12, с. 228].

В русской истории он усматривает «высокие образцы воплощения истинного союза Церкви с государством в том смысле, как понимался он вселенскими учителями Церкви, дает нам наша собственная история» [13, с. 551]. «Настоящие христианские отношения царя к Церкви – отношения сыновние: царь в ее глазах тот старший сын, на которого возлагает она усиленные заботы о благополучии прочих своих детей» [13, с. 549]; однако «при Петре I произошло, так сказать, вторичное крещение Руси – в европейскую цивилизацию, произошло уже не мирно и спокойно, как первое наше крещение при св. Владимире, но прямо огнем и мечом. Преобразователь почему-то совсем не рассчитывал на сочувствие со стороны народа» [14, с. 555]. Весьма примечательно, как О. Миллер выделил «петровский дух» русской интеллигенции: «Но и перестав питаться или даже никогда не питавшись оброком или выкупными, наша интеллигенция (не из помещиков) сумела сохранить духовно, так сказать, держимордные отношения к народу» [11, с. 703].

В свою очередь, эти «держимордные отношения к народу» стали основой и «революционного сознания», которое впервые возникло именно среди интеллигенции, а затем привело к эпидемии зла и антихристианского духа: «Верой в злодейство и поклонением ему разрешились у нас все те многообразные веяния искужа, которые с таким сладострастьем слепой восприимчивости испытывали мы, одно за другим, в довольно долгий уже европействующий период нашей истории... Многообразные учения, выдававшиеся обыкновенно за последнее слово науки, сменились наконец верой – этой дикой, нелепой и ужасающей верой в злодейство как силу зиждительную!» [15, с. 252]. Но и это в конечном итоге – также плоды Петровских преобразований, о чем О. Миллер пишет очень жестко: «Насажденная у нас кровавым террором наука обратилась в рабу политического изуверства... Таков переживаемый нами исход того периода нашей истории, который называется петербургским. Пусть же поскорее наступает другой период, самостоятельный, русский; им только и начнется у нас настоящая европейская жизнь, жизнь, способная внести новый вклад в сокровищницу человечества» [15, с. 256]. Как и все славянофилы, О. Миллер в неизбежность и закономерность наступления такого периода.

Хотя О. Миллер и называет будущий строй русской цивилизации «настоящей европейской жизнью», явно отдавая дань предрассудкам русских «западников», но вместе с тем, он весьма критичен к Европе: «Все ли благо и в возрождении классической древности (renaissance), не оставшемся только моментом (смысл которого заключался в секуляризации знания), а обратившем классицизм в постоянную, так сказать, стихию духовной жизни Европы?.. Не только жизнь, но и мирозерцание христианских народов остались, по крайней мере наполовину, языческими» [11, с. 707]. Именно в этом – та «отправная точка» мысли, которая и породила славянофильство: идея нового крещения народов, реальной христианизации жизни.

Ориентиром для идеального социального устройства служит пример первохристиан, описанный в «Деяниях апостолов». О. Миллер характеризует его так: «В первоначальной

Церкви общее благополучие достигалось тем, что у многочисленного общества верующих было одно сердце и одна душа, никто ничего из имени своего не называл своим, но все было у них общее... Не было между ними никого бедного, ибо все владельцы поместьев или домов, продавая оные, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов и каждому давалось, в чем кто имел нужду (Деяний апост. IV: 32, 34, 35)» [13, с. 549]. Поэтому, делает он вывод, универсальным решением социально-экономических проблем является «противодействующее общественному неравенству общинное устройство» [13, с. 550]. В этих формулировках есть основание усмотреть повторение мифа о «христианском коммунизме», которым часто спекулируют в наше время. В реальности же общинная собственность у первых христиан была только в их тайных общинах и служила средством выживания во враждебном окружении. Такая общинная собственность вообще была едва ли не во всех религиях, а не только у первохристиан. Это средство выживания, а не модель социально-экономического устройства общества в целом. Однако в ней содержится высший нравственный идеал взаимопомощи, который как раз и невозможно реализовать насильственным коммунизмом, который, как свидетельствует история, всегда основан на зависти и грабеже. К сожалению, О. Миллер здесь демонстрирует некоторую наивность и действительно близок к социалистическим утопиям.

О. Миллер пишет об «идеальной» социальной жизни: «она была уже на земле, она уже сказывалась и в общественном строе – во времена апостольские... Этот идеал уже позади нас, но он должен быть у нас впереди, он должен, подобно светлomu маяку, указывать нам путь к настоящему прогрессу – настоящему общественному усовершенствованию» [14, с. 560]. Цель состоит в том, «чтобы наше отечество достигло такого благосостояния, в котором бы действительно отражалась правда Христова. Пусть же при виде тех плодов, которые она даст, при виде того, чем должна будет сделаться жизнь, коль скоро правда Христова осуществится на самом деле, всевозможные Юлианы-отступники... вынуждены будут в один голос воскликнуть: “Ты победил, Галилеянин!”» [14, с. 561]. Здесь также есть основания подозревать О. Миллера в некотором созвучии с ересью хилиазма, хотя это и не выражено у него с полной определенностью.

Подводя итог краткому рассмотрению нашей темы можно сделать следующие обобщающие выводы. 1) «Высший идеализм» как главный методологический принцип О. Миллера отчасти аналогичен понятию «идеальных типов» у М. Вебера, однако более богат по содержанию, поскольку включает в себя, помимо принципа сущностного обобщения исторической реальности, также и нравственный императив. В частности, русская крестьянская община как эмпирическое явление выступает как явление не только экономического, но в первую очередь нравственного порядка, указывая на определенную степень земного воплощения евангельского идеала социального устройства и евангельского типа личности. 2) Принципиально важным для концепции О. Миллера является обобщение взглядов славянофилов на соотношение внутренней и внешней правды в историческом бытии народа. Первую он называет символическим понятием Земли, а вторую – символическим понятием Государства. Закон исторической жизни состоит в том, что Земля, то есть внутренняя правда, должна быть адекватно выражена в форме Государства, внешней правды. Но при нарушении органического соответствия между внешней и внутренней правдой возникает кризис исторической жизни, который в перспективе может привести к катастрофическим последствиям. 3) Именно это и произошло в России, когда развитие по Петровскому пути, то есть по пути рабского заимствования европейских форм жизни, в конечном счете привело к появлению разрушительных антихристианских сил, которые явственно проявили себя уже в революционном терроризме XIX века. О. Миллер не дожидаясь полного господства этих сил в XX веке, однако он был провидцем, усматривая симптомы будущих катастрофических событий. 4) Тезис О. Миллера о неполной христианизации социальной и культурной жизни как европейских народов, так и России, следует признать справедливым. Справедливым также является его представление о возможности воплощения

христианского идеала в социальной и культурной жизни, несмотря на то, что в истории он так и не был воплощен. Но его уверенность в этом воплощении в будущем, учитывая опыт последующей истории, невозможно не признать утопическим, отчасти даже граничащим с ересью хилиазма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Котов А.Э. Миллер Орест (Оскар) Федорович // Российский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М. 2010. С. 299–301.
2. Котов А.Э. Петербургское славянофильство 1860-90-х гг. // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 123-133.
3. Малинов А.В. Образ Петра I в учении петербургских славянофилов // Кунсткамера. 2022. № 2 (16). С. 18–34.
4. Малинов А.В. Петербургский славянофил Орест Фёдорович Миллер. Часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://russculture.ru/2023/09/08/alexei-malinov-peterburgskii-slavjanofil-orest-fedorevich-miller-chast-1/> (дата обращения 04.06.2026)
5. Малинов А.В. Орест Миллер и славянофильство // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2 (46). С. 8-20.
6. Плотник А. Следуя «основным началам славянофильства» (Орест Федорович Миллер) [Электронный ресурс]. URL: <https://gefter.ru/archive/11190> (дата обращения 04.06.2026)
7. Миллер О.Ф. Западники и славянофилы в их отношениях к малорусской народности // Известия Славянского благотворительного общества. 1884. № 10. С. 2–12.
8. Миллер О.Ф. Вико и значение его «новой науки» для «психологии народов» // Заря. 1870. Апрель. С. 46–71.
9. Миллер О.Ф. Основы учения первоначальных славянофилов // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. М. 2012. С. 24-99.
10. Даренский В.Ю. Универсализм славянофилов против партикуляризма Запада // Донецкие чтения 2025. Мат. X Междунар. научной конф. Т. 9. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2025. С. 39-42.
11. Миллер О.Ф. Пушкинский вопрос // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. М. 2012. С. 677-730.
12. Миллер О.Ф. Первоучители славян (историческая заметка) // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. М. 2012. С. 257-288.
13. Миллер О.Ф. Церковь и византийство // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. М. 2012. С. 523-552.
14. Миллер О.Ф. Что значит креститься? // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. М. 2012. С. 552-561.
15. Миллер О.Ф. Ужасная логика (1 марта 1881 года) // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. М. 2012. С. 252-256.

REFERENCES:

1. Kotov A.E. Miller Orest (Oscar) Fedorovich. In: Russian conservatism of the middle of the XVIII – early XX century: encyclopedia / Ed. by V.V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 299-301. (In Russian)
2. Kotov A.E. St. Peterburgskoe slavyanofil'stvo 1860-90-x gg. [Petersburg Slavophilism of the 1860-90s]. In: Christian reading. 2017. No. 6. P. 123-133. (In Russian)
3. Malinov A.V. Obraz Petra I v uchenii peterburgskix slavyanofilov [The image of Peter the Great in the teachings of the St. Petersburg Slavophiles]. In: Kunstkamera. 2022. No. 2 (16). P. 18-34. (In Russian)

4. Malinov A.V. St. Petersburg Slavophile Orest Fedorovich Miller (2023) [Electronic resource]. URL: <https://russculture.ru/2023/09/08/alexei-malinov-peterburgskii-slavjanofil-orest-federevich-miller-chast-1/> (Accessed: 04/06/2026)
5. Malinov A.V. Orest Miller i slavyanofil'stvo [Orest Miller and Slavophilism]. In: Solovyov studies. 2015. Issue 2 (46). P. 8-20. (In Russian)
6. Plotnik A. Sleduya «osnovnym nachalam slavyanofil'stva» (Orest Fedorovich Miller) [Following the “basic principles of Slavophilism” (Orest Fedorovich Miller)]. [Electronic resource]. URL: <https://gefter.ru/archive/11190> (In Russian)
7. Miller O.F. Zapadniki i slavyanofily v ix otnosheniyax k malorusskoj narodnosti [Westerners and Slavophiles in their relations to the Malorossia]. In: News of the Slavic Charitable Society. 1884. No. 10. P. 2-12. (In Russian)
8. Miller O.F. Viko i znachenie ego «novoј nauki» dlya «psikhologii narodov» [Viko and the significance of his “new science” for the “psychology of peoples”], In: Zarya. 1870. April. P. 46-71. (In Russian)
9. Miller O.F. Osnovy ucheniya pervonachal'nyx slavyanofilov [Fundamentals of the teaching of the original Slavophiles]. In: Miller O.F. Slavdom and Europe / Comp., preface, commentary. Yu. V. Klimakov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012. P. 24-99. (In Russian)
10. Darensky V.Y. Universalizm slavyanofilov protiv partikulyarizma Zapada [Universalism of Slavophiles against particularism of the West] In: Donetsk readings 2025. Mat. X International Scientific Conference Vol.9. Donetsk: DonNU Publishing House, 2025. P. 39-42. (In Russian)
11. Miller O.F. Pushkinskij vopros [The Pushkin question]. In: Miller O.F. Slavdom and Europe. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012. P. 677-730. (In Russian)
12. Miller O.F. Pervouchiteli slavyan (istoricheskaya zametka) [The First Teachers of the Slavs (historical note)]. In: Miller O.F. Slavdom and Europe. Moscow: Russian Civilization, 2012. P. 257-288. (In Russian)
13. Miller O.F. Czerkov' i vizantijstvo [The Church and Byzantium]. In: Miller O.F. Slavdom and Europe. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012. P. 523-552. (In Russian)
14. Miller O.F. Chto znachit krestit'sya? [What does it mean to be baptized?]. In: Miller O.F. Slavdom and Europe. Moscow: Russian Civilization, 2012. P. 552-561. (In Russian)
- Miller O.F. Uzhasnaya logika (1 marta 1881 goda) [Terrible logic (March 1, 1881)]. In: Miller O.F. Slavdom and Europe. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2012. P. 252-256. (In Russian)